

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 23 января 2007 г. N 1-П ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 779 И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 781 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ "АГЕНТСТВО КОРПОРАТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ" И ГРАЖДАНИНА В.В. МАКЕЕВА

МНЕНИЕ

СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.С. БОНДАРЯ ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ

ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 779 И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 781

ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проголосовав за сформулированный Конституционным Судом Российской Федерации в [резольтивной части](#) Постановления от 23 января 2007 года N 1-П итоговый вывод о том, что оспариваемые нормы Гражданского [кодекса](#) Российской Федерации не противоречат [Конституции](#) Российской Федерации, считаю необходимым изложить свое мнение по поводу отдельных положений [мотивировочной части](#) данного Постановления, связанных, в частности, с пониманием: а) возможных последствий его принятия для судьбы института условного вознаграждения ("гонорара успеха") в нашей правовой системе и, соответственно, для дальнейшего законодательного регулирования отношений по оказанию правовых услуг, допустимости (или недопустимости) данного института, а также б) пределов дискреционных полномочий законодателя при возможном специальном урегулировании порядка и условий оказания правовых услуг, в том числе в части реализации института условного вознаграждения.

Неоднозначность возможных ответов на эти вопросы обусловливается тем обстоятельством, что из [мотивировочной части](#) Постановления не усматривается, по крайней мере с достаточной степенью определенности, свидетельствует ли сделанный Конституционным Судом итоговый вывод, содержащийся в [резольтивной части](#), об абсолютном запрете на использование в условиях действующей [Конституции](#) Российской Федерации института "гонорара успеха" либо все же допускается, по крайней мере при определенных условиях, введение данного института в рамках дискреционных полномочий федерального законодателя. Данная проблематичность, "неочевидность" ответа вряд ли может рассматриваться как упущение, пробел или неопределенность в системе аргументации и выводах Конституционного Суда. Главная причина в ином: вполне запрограммированная в этой части недосказанность во многом явилась результатом компромисса, достигнутого при выработке итогового решения между сторонниками абсолютного запрета "гонорара успеха", с одной стороны, и теми, кто исходил из того, что условное вознаграждение не может гарантироваться судебной защитой, в частности в силу отсутствия в настоящее время специального законодательства о порядке, условиях, правовых гарантиях надлежащей реализации гражданином права на квалифицированную юридическую помощь, - с другой. Позицию второго, более мягкого (компромиссного) подхода занимал и я, что предполагает необходимость дополнительных пояснений по поводу возможности реализации такого подхода на основе принятого Постановления.

1. Прежде всего - о толковании тех положений Постановления, которые могут быть расценены как ориентированные на конституционно значимую часть аргументации, относящуюся к запрету, недопустимости "гонорара успеха". Действительно, такого рода положения формально можно "извлечь" из текста Постановления.

Так, в [абзаце четвертом](#) пункта 3.3 мотивировочной части Конституционный Суд указал, что в силу конституционных принципов и норм предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, не могут, однако, обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения. Данному тезису предпосылается позиция более общего характера, согласно которой недопустимо распространение договорных отношений и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти, включая судебную власть, базирующуюся на началах независимости и самостоятельности ([абзац четвертый](#) пункта 2.2 мотивировочной части). О конституционных требованиях независимости и самостоятельности судебной власти в связи с проблемой

условного вознаграждения говорится также, например, в [последнем абзаце](#) пункта 2.1, [последнем абзаце](#) пункта 2.2 и [первом абзаце](#) пункта 2.3. Все эти положения могут быть истолкованы как принципиальное (вытекающее из фундаментальных конституционных установлений) отрицание института "гонорара успеха" в системе конституционного регулирования в Российской Федерации.

Это, однако, не так, подтверждением чего являются другие положения Постановления, в системном единстве с которыми следует выводить правовую позицию Конституционного Суда по данному вопросу. Так, в [последнем абзаце](#) мотивировочной части Постановления Конституционный Суд прямо указал на наличие у федерального законодателя права предусмотреть "возможность иного правового регулирования (выделено мною - Н.Б.), в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь", сделав одновременно две оговорки в отношении соответствующих законодательных полномочий, а именно: названное право, согласно Постановлению, может быть реализовано, во-первых, с учетом конкретных условий развития правовой и судебной системы Российской Федерации и, во-вторых, исходя из конституционных принципов правосудия. Иными словами, данная правовая позиция, не исключая использование института "гонорара успеха", связывает возможность его введения с возникновением неких предпосылок (условий), характеризующих качественно новый этап в развитии правовой и судебной системы страны.

В связи с этим возникает вопрос: вправе ли федеральный законодатель реализовать указанное право уже сейчас, в том числе непосредственно после вступления Постановления в силу, или же это потенциальное право, право на "вырост" нашей правовой системы, которое имеет характер некоего "отложенного" права, рассчитанного на качественно иной уровень зрелости правовой и судебной систем, когда, в частности, институт условного вознаграждения, освобожденный от коррупционного потенциала, не будет рассматриваться как несовместимый с конституционными принципами правосудия?

2. Предваряя анализ поставленных вопросов, связанных с выяснением реального содержания и значения сформулированных в Постановлении выводов для института "гонорара успеха", необходимо заметить следующее. Выявление подлинного смысла как рассматриваемого, так и любого иного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации невозможно без учета того обстоятельства, что решение Конституционного Суда - это единый, целостный акт конституционного правосудия, внутренняя структура и содержание которого подчинены логике конституционно-правовых доводов и аргументов, значимых для оценки оспариваемых в рамках конкретного дела правовых норм; в своей взаимосвязи они определяют содержание итогового вывода, составляют суть решения по делу.

Соответственно, было бы ошибочным интерпретировать выраженную в Постановлении правовую позицию в качестве простой совокупности обособленных положений, равно как и возводить на уровень самостоятельных правовых позиций Конституционного Суда каждое отдельное положение Постановления. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации - это некая основополагающая или, по крайней мере, одна из важных правовых идей, сформулированных им по итогам рассматриваемого дела, которая может быть выражена в концентрированном виде в качестве отдельного положения или (чаще всего) представлять собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и единими доктринально-конституционными началами, находящимися, как правило, в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения.

Полагаю, что правовая позиция Конституционного Суда по итогам данного дела не может быть истолкована как абсолютный запрет "гонорара успеха" и, соответственно, как недопустимость законодательного введения этого института на неопределенный срок (по крайней мере, до достижения правовой и судебной системами некоего качественно нового состояния развития). Иное расходилось бы со смыслом и содержанием Постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод.

2.1. Прежде всего, необходимо обратить внимание на использованную Конституционным Судом и выражающую итоговую оценку им оспариваемых законоположений с позиции соотношения с действующими конституционными принципами и нормами лингвистическую формулу [пункта 1](#) резолютивной части Постановления, согласно которому положения [пункта 1 статьи 779](#) и [пункта 1 статьи 781](#) ГК Российской Федерации не противоречат [Конституции](#) Российской Федерации. Данный вывод, очевидно, не является тождественным констатации соответствия проверяемых норм Основному [Закону](#).

Действительно, если соответствие законоположения [Конституции](#) означает не только его согласованность с ней, но и, по существу, вхождение в тот нормативный массив, который предполагается,

подразумевается действующими конституционными установлениями, то под непротиворечием [Конституции](#) в рассматриваемом контексте понимается, что [Конституция](#), не отрицая оспариваемого конкретного нормативно-правового решения, вместе с тем не исключает и иные варианты правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений.

Следовательно, сам по себе (по своему буквальному смыслу) сделанный Конституционным Судом итоговый вывод не препятствует использованию в правовой системе России иных моделей правового регулирования оплаты юридической помощи, которые прямо не предполагаются, но и не исключаются [Конституцией](#) Российской Федерации.

В этом плане не лишним будет отметить, что зарубежный опыт нормативной регламентации отношений по оплате правовой помощи в форме условного вознаграждения (в зависимости от решения суда или иного государственного органа) также неоднороден и свидетельствует о том, что данный вопрос во многом находится в сфере дискреции национального законодателя. Имеются по крайней мере три типа правового регулирования в данной сфере, которые предполагают: а) принципиальное запрещение "гонорара успеха" (например, Бельгия, Литва), б) общее разрешение "гонорара успеха", характерное прежде всего для англосаксонской системы права (Англия, США, Канада, Австралия), в) точечное разрешение "гонорара успеха" в определенных случаях (в большей степени распространено в Европе, например в Германии, Австрии, Испании).

При этом - попутно заметим - выбор конкретной модели не только связан с содержанием действующего в данном государстве конституционного регулирования, но и в значительной мере определяется принципами правовой, в том числе судебной-правовой, политики, а потому, очевидно, не может быть осуществлен как таковой органом конституционного правосудия, решающим исключительно вопросы права; в своей основе это функция национального законодателя, призванного находить не только не противоречащие [Конституции](#), но и политически, социально-экономически, нравственно-этически целесообразные правовые решения.

2.2. Именно поэтому в Постановлении содержится положение о возможности "иного правового регулирования" оплаты юридической помощи. Сделанная же Конституционным Судом оговорка о необходимости учета федеральным законодателем при принятии соответствующего решения конкретных условий развития правовой и судебной систем требует самостоятельной оценки.

Названная оговорка, как представляется, в конечном счете связана с тем, что в основу аргументации принятого решения Конституционным Судом был положен тезис о необходимости обеспечения в процессе законодательного регулирования общественных отношений по оказанию юридической помощи "надлежащего баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как гарантирование квалифицированной и доступной (в том числе в ряде случаев - бесплатной) юридической помощи, самостоятельность и независимость судебной власти и свобода договорного определения прав и обязанностей в рамках гражданско-правовых отношений по оказанию юридической помощи" ([абзац первый](#) пункта 2.3 мотивировочной части).

Иными словами, смысловым ядром Постановления выступает идея баланса конституционных ценностей, которая как конституционный принцип и как методологический прием разрешения конституционно-правового спора достаточно часто используется в практике конституционного правосудия. Она, как известно, предполагает, в частности, необходимость взвешивания вступивших в противоречие (конфликт) в рамках конституционно-правового спора конституционных ценностей и определение сообразно их конституционному весу соотношения, которым и обуславливается содержание правового регулирования конкретной сферы общественных отношений. При этом каждая из конституционных ценностей, между которыми возникла коллизия, должна быть сохранена в рамках существующего конституционно-правового противоречия, которое не обязательно должно преодолевать путем устранения данного противоречия.

Именно из этого методологического посыла исходил Конституционный Суд, вырабатывая решение по данному делу. Обращая внимание на необходимость уравнивания ценностей - гарантирования квалифицированной юридической помощи, самостоятельности и независимости судебной власти, свободы договора в рамках регулирования оплаты правовой помощи, Конституционный Суд во всяком случае не предполагал, что такое равновесие может быть достигнуто путем непризнания (нормативного необеспечения) хотя бы одной из них. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что, указывая на необходимость соблюдения принципов организации и функционирования судебной власти как власти публичной, ее независимости и самостоятельности, Конституционный Суд одновременно обратил

внимание на недопустимость несоразмерного ограничения свободы договора (абзац третий пункта 2.2 мотивировочной части).

При этом сбалансирование названных конституционных ценностей, как это вытекает из Постановления, относится к прерогативам федерального законодателя, который, действуя на началах народного представительства, взаимного согласования права и целесообразности, должен предусмотреть такое правовое регулирование оплаты юридической помощи, которое в рамках конкретно-исторических и социально-правовых условий развития государства и общества не противопоставляло бы эти ценности и не ставило под сомнение значимость хотя бы одной из них. Необходимость же учета конкретных условий при решении данного вопроса предопределяется тем, что указанные в Постановлении конституционные ценности выступают не только в качестве определенных конституционно-правовых императивов нормативного регулирования, но и являются своеобразными концентрированными характеристиками юридической природы правоотношений, складывающихся в порядке реализации статьи 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации (ей, к сожалению, попутно будет отмечено, уделено недостаточное внимание в системе аргументации мотивировочной части Постановления) по поводу оказания юридической помощи, которые сочетают в себе частноправовое и публично-правовое начала (абзац первый пункта 2.1 мотивировочной части). Это же, в свою очередь, означает, по крайней мере, следующее.

Во-первых, общественные отношения, связанные с оказанием юридической помощи, как составная часть общественной практики, весьма подвижны и динамичны, по своему содержанию зависимы от ряда социокультурных и социоправовых факторов, как-то: уровень правовой культуры граждан и их правовой образованности, система и качество профессиональной подготовки юридических кадров, механизм оказания квалифицированной юридической помощи, круг лиц, могущих оказывать правовую поддержку, состояние судебной системы, включая реальную независимость суда, доступность правосудия и т.д.

Во-вторых, правовое регулирование соответствующих отношений должно быть релевантным их природе, учитывать и надлежащим образом оформлять ее частноправовой и публично-правовой компоненты, не противопоставлять их. В этом плане важное значение может иметь учет особенностей как сферы оказания правовых услуг, так и субъектного состава, в частности услугополучателей. Так, при всей универсальности принципа равенства субъектов гражданских правоотношений возможно учитывать статусную, в том числе финансово-правовую, специфику публичных субъектов - получателей правовых услуг в лице государственных и муниципальных организаций - бюджетополучателей, с одной стороны (ими, кстати, являлись услугополучатели по рассматриваемому делу - Управление делами Президента Российской Федерации и администрация муниципального образования), а также физических и юридических лиц как субъектов имущественных споров, с другой.

В-третьих (и это, пожалуй, наиболее важно с точки зрения предмета рассмотрения), поскольку состав общественных отношений по поводу оказания правовой помощи, а также формы ее предоставления чрезвычайно многообразны, соотношение в их юридической природе названных конституционных ценностей не универсально (не единообразно), что предполагает возможность и допустимость использования дифференцированного подхода к регламентации оплаты правовой помощи применительно, например, к ее виду, характеру спорных правоотношений, с которыми связано ее оказание (включая наличие объективной потребности в специальных познаниях в конкретной сфере для осуществления эффективной юридической помощи), а также их субъектному составу (участие субъектов публичного права), целям, с которыми увязывается форма оплаты правовой помощи и размер гонорара.

Исходя из этого, а также учитывая возможность различной интерпретации института условного вознаграждения как "гонорара успеха", где под успехом может пониматься и вынесение положительного для заинтересованного лица решения суда или иного государственного органа, и урегулирование спора в процессе рассмотрения дела до принятия по нему юрисдикционного решения, и разрешение спора на досудебных (доюрисдикционных) стадиях, можно заключить, что нет никаких юридических, в том числе конституционных, оснований (о чем свидетельствует зарубежный опыт) для исключения оплаты правовой помощи по принципу "гонорара успеха", по крайней мере в отдельных случаях и при наличии законодательных ограничений и гарантий на уровне специального нормативно-правового регулирования.

2.3. Определяя вытекающие из Постановления возможности федерального законодателя по установлению института условного вознаграждения, следует также иметь в виду, что предметом дела являлись гражданско-правовые нормы общего характера, относящиеся к договору оказания возмездных услуг, которые закрепляют его основные содержательные характеристики и охватывают все многообразие практики заключения таких договоров.

Конкретизация этих норм в отношении некоторых видов услуг осуществляется в специальных законах и подзаконных актах, применительно же к правовым услугам специальное правовое регулирование в настоящее время не предусмотрено. Поэтому федеральный законодатель вправе на основе итогового вывода Постановления, который сформулирован применительно к действующей системе правового регулирования, руководствуясь конституционными принципами и нормами, а также с учетом общеправового принципа соотношения общих и специальных норм установить иной, специальный - по отношению к закрепленному пунктом 1 [статьи 779](#) и пунктом 1 [статьи 781](#) ГК Российской Федерации общему - режим правового регулирования оказания правовых услуг, включая определение условий и пределов применения "гонорара успеха" как условного вознаграждения.

Этот вывод подтверждается и тем, что в рамках данного дела Конституционный Суд проверял конституционность института "гонорара успеха" сквозь призму конкретного гражданско-правового договора - о возмездном оказании услуг, а потому сформулированная в Постановлении правовая позиция вряд ли может быть универсализирована путем распространения на все возможные формы гражданско-правовых договоров по оказанию юридической помощи и на весь объем соответствующих общественных отношений.

Важным для федерального законодателя ориентиром - наряду с другими вытекающими из Постановления, включая упомянутые ранее, - при поиске баланса конституционных ценностей в процессе осуществления правового регулирования оплаты юридической помощи является принцип справедливости ([абзац первый](#) пункта 2.3 мотивировочной части). Конкретное нормативное выражение данного принципа в системе правового (а также, что очень важно, корпоративного) регулирования порядка оказания юридической помощи может быть различным. При его установлении применительно к данной сфере отношений, думается, следует учесть и зарубежный опыт. Назовем лишь некоторые обстоятельства (факторы), с которыми зарубежное законодательство связывает размер оплаты правовых услуг: сложность дела, квалификация и опыт адвоката, финансовое положение клиента и другие значительные обстоятельства (часть 3 статьи 44 Закона Литовской Республики "Об адвокатуре"), объем оказанных услуг, срочность дела, степень творческой и интеллектуальной деятельности по оказанию услуг, затраченное адвокатом время и принятая им на себя ответственность, прочие профессиональные факторы (часть 3 статьи 100 Закона Португальской Республики "Статус ордена адвокатов"); схожие положения содержатся в Швейцарском кодексе деонтологии (статья 18) и т.д. Имеется, кстати, и судебная практика использования перечисленных и иных критериев справедливого вознаграждения труда адвоката, в том числе при решении вопроса о судебном порядке удовлетворения условного вознаграждения; последнее слово в оценке того, оказаны ли юридические услуги надлежащим образом, каково их качество и т.п., остается за судом.

3. Таким образом, вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации решение может рассматриваться как предполагающее для федерального законодателя возможность и в конечном счете правовую целесообразность осуществить специальное правовое урегулирование порядка оказания юридических услуг с использованием - при определенных условиях и для установленных на законодательном уровне случаев - института условного вознаграждения ("гонорара успеха") на основе соблюдения конституционных принципов и норм, обеспечивающих баланс публичных и частных конституционных ценностей и определяющих критерии справедливой оплаты юридической помощи, безусловной судебной защиты прав и законных интересов обеих сторон по договору возмездного оказания правовых услуг.